

ОТ АВАНГАРДА К ИСКУССТВУ ЖИЗНИ: ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

ВСЕВОЛОД РЫБАКОВ

Всеволод Вячеславович Рыбаков – кандидат философских наук, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vsrybakov@yandex.ru

В статье обосновывается возможность эстетической трансформации российского менталитета средствами современной практической эстетики. Осуществляется обзор эстетики П. Кроутера, сомаэстетики Р. Шустермана и эстетики повседневности Ю. Сайто как значимых направлений эстетики XXI века, ориентированных на ценность заботы о жизни и предлагающих конкретные стратегии ее реализации. Демонстрируется, что общим для данных направлений является понимание эстетики как искусства жизни, подразумевающего не только интерес к закономерностям восприятия или эстетического переживания, но и внимание к принципам и практическим действиям, направленным на реализацию ценностей заботы, совершенствования и созидания. Особое значение в контексте практической эстетики уделяется привычкам и работе с ними. Осмыслиется феномен менталитета как совокупности ментальных, чувственных и телесных привычек, транслируемых в ходе социальной коммуникации и доступных для сознательной трансформации, делается вывод о возможности трансформации менталитета средствами практической эстетики. Осуществляется обзор исследований, посвященных специфике российского менталитета и проистекающих из него следствий. Выявляется раскол на фантазию об авангардном бытии, иной жизни, с одной стороны, и фактическую неспособность благоустроить

жизнь здесь и сейчас, привычку к неухоженной жизни и ее оправданию, с другой. Постулируется присущая российскому менталитету нехватка практических умений заботы о жизни и планомерного созидания. Осмыслиется противоречивый опыт русского авангарда как проекта преобразования жизни в перспективе ценности заботы о жизни. Формулируется основная цель эстетической трансформации российского менталитета на новейшем историческом этапе: сместить акцент с ценности авангардной, иной жизни на ценность жизни как таковой, реализуя ежедневные практики заботы о ней. Прогнозируются положительные последствия такой трансформации для российского общества.

Ключевые слова: практическая эстетика, менталитет, сомаэстетика, забота о жизни, авангард, Р. Шустерман, Ю. Сайто.

FROM AVANT-GARDE TO THE ART OF LIVING: ON THE AESTHETIC TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN MENTALITY

Vsevolod Rybakov

St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: vsrybakov@yandex.ru

The article substantiates the possibility of aesthetic transformation of the Russian mentality by means of contemporary practical aesthetics. The review of the aesthetics of P. Crowther, R. Schusterman's somaesthetics and Yu. Saito's everyday aesthetics as significant trends in the aesthetics of the 21st century, focused on the value of caring for life and offering specific strategies for its implementation, is carried out. It is demonstrated that common for these directions is the understanding of aesthetics as an art of life, which implies not only interest in the regularities of perception or aesthetic experience, but also attention to the principles and practical actions aimed at the realization of the values of care, improvement and creation. Particular importance in the context of practical aesthetics is given to habits and working with them. The phenomenon of mentality as a set of mental, sensual and bodily habits transmitted in the course of social communication and available for deliberate transformation is comprehended, and a conclusion about the possibility of transformation of mentality by means of practical aesthetics is made. A review of studies devoted to the specifics of the Russian mentality and its consequences is carried out. It reveals the split between a fantasy of an avant-garde existence and a quite different life, on the one hand, and the actual inability to improve life here and now, the habit of ungroomed life and its justification, on the other hand.

The inherent lack of practical skills in the Russian mentality to take care of life and to create systematically is postulated. The controversial experience of Russian avant-garde as a project of life transformation in the perspective of the value of caring for life is comprehended. The main goal of the aesthetic transformation of the Russian mentality at the latest historical stage is formulated: to shift the emphasis from the value of avant-garde, other life to the value of life as such and to implement daily practices of caring for it. Positive consequences of this transformation for Russian society are predicted.

Keywords: practical aesthetics, mentality, somaesthetics, care for life, avant-garde, R. Shusterman, Yu. Saito.

*Очень рад, что откровенно мы так с вами говорим,
Что пришел момент зарыть топоры, да?
Перемены эти могут продержаться до поры,
Но ментальность – это ж не хухры-мухры, да?
Влади*

Вопрос о том, как возможна эстетика в современной России, подразумевает осмысление ряда дополнительных подвопросов. Во-первых, что именно мы будем подразумевать под эстетикой: искусство, художественные практики, эстетическое образование, эстетику как теоретическую дисциплину, эстетику как особый вид практики, эстетические аспекты различных сторон российской действительности, или все вместе? Во-вторых, в чем состоит специфика современной России, обуславливающая необходимость вопрошания о возможности эстетики в ее, как предполагается, особых условиях? В-третьих, будем ли мы подразумевать только возможность, или также необходимость развития эстетики в современной России, и если последнее, то в направлении каких смыслов и ценностей? В данной статье мы постараемся обосновать тезис о возможности и необходимости развития в современной России эстетики как теоретико-практической дисциплины, чей потенциал использовался бы для планомерной трансформации российского менталитета, а через эту трансформацию – для улучшения жизни в нашей стране в принципе.

Для понимания специфической силы эстетики и того влияния, которое она оказывает на развитие культуры и повсед-

невную человеческую жизнь, важно подчеркнуть, что она не является только теоретической дисциплиной, направленной на осмысление и познание чего-либо; она также является и практикой, т. е. подразумевает определенные действия, осуществляемые конкретным человеком¹. Более того, в мировой эстетике XXI века наблюдается очевидный рост внимания к практической составляющей эстетики, что интерпретируется нами как развертывание ее внутренней логики.

Уже основатель эстетики как отдельной дисциплины А. Баумгартен рассматривал ее и как науку, и как искусство (Baumgarten, 2021, 40), подчеркивая ее значимость не только в деле познания определенных правил и принципов, но и в культивации соответствующих им действий. (Prozersky, 2016, 95) Характеризуя пространство эстетического, Б. Нэнэй использует понятия эстетической вовлеченности и эстетического опыта в качестве двух центральных эстетических категорий: «Эстетическая вовлеченность – это то, что мы делаем, а эстетический опыт – то, что мы чувствуем, когда эстетически вовлекаемся во что-то». (Nanay, 2019, 5) Так понятая эстетика вообще может не иметь никакого дела с классически понятым искусством как совокупностью продуктов человеческого творчества, но последнее, как правило, все же становится предметом ее интереса – именно вследствие того, что способны вызывать эстетические переживания и побуждать к действиям².

В качестве ярких примеров современной практической эстетики можно выделить эстетику П. Кроутера, сомаэстетику Р. Шустермана и эстетику повседневности Ю. Сайто. Предложенные данными авторами эстетические концепции объединяет принципиальная направленность на то, чтобы быть имплементированными в повседневной жизни и практике конкретных людей.

¹ Практическую эстетику, направленную на совершение тех или иных действий, следует отличать от прикладной эстетики, подразумевающей использование тех или иных теоретических конструкций для осмысления многообразных феноменов современной жизни – рекламы, дизайна, медиа, информационной среды и т. п. При этом прикладная эстетика и практическая эстетика могут тесно сплетаться друг с другом.

² Собственно, именно здесь кроется один из основных критериев различения сильного и слабого искусства.

В работе с характерным названием «Эстетика самостановления» П. Кроутер утверждает, что, не являясь всего лишь приятным дополнением к нашей повседневной жизни, эстетическое лежит в самом основании способа существования нашей самости: «само наше чувство того, кто мы такие, что собой представляем и какое место занимаем в мире, носит вполне специфический эстетический характер». (Crowther, 2019, 19) Дело в том, что наше понимание самих себя неразрывно связано с практиками воображения и создания историй – мы описываем (вспоминаем, воображаем) наше прошлое, представляем себе будущее, визуализируем варианты развития событий, инсценируя те или иные эмоции. Все это – эстетическая работа, которая может быть проделана лучше или хуже, более или менее искусно. Именно с этой точки зрения Кроутер рассматривает искусство, необходимое человеку как тренажер для развития его эстетических компетенций. От уровня развития последних, однако, зависит не только качество жизни отдельного человека, но и общества:

гражданственность заключается в выборе того, как жить и действовать, а это предполагает осознание того, что это будет означать – совершить тот или иной выбор, как тот или иной выбор повлияет на других людей, а также знание связанных с ними эмоций и понимание ответственности за их последствия. (Crowther, 2019, 25)

Одним из флагманов практической эстетики можно назвать сомаэстетику, основанную Р. Шустерманом. В сомаэстетике замышляется двоякое: с одной стороны, понять не только эстетику, но и философию в целом как практическое искусство жизни и, с другой стороны, высветить тело и телесные привычки как ключевой объект исследования и практики. Несмотря на неологизм «сомаэстетика», Шустерман не претендует на особую новизну: «цель сомаэстетики заключается в демонстрации ее потенциальной полезности, а не радикальной новизны». (Shusterman, 2012a, 379) Задача сомаэстетики – помочь человеку в деле самопознания и самосозидания, культивировать «соматическое самосознание» (Shusterman, 2008, 7), дать конкретные инструменты для того, чтобы

человек мог сделать себя лучше. Соматэстетические практики многообразны и включают в себя внимание к телесным привычкам и их трансформацию, обогащение чувств через практики осознанного восприятия, развитие баланса и меры, защиту от сверхаффектации/сверхстимуляции, а также включение разнообразно реализуемых пластических упражнений в состав осознанно проживаемой повседневной жизни. Как и Кроутер, не забывает Шустерман подчеркнуть и социальную значимость соматэстетики. Характер сложившихся в обществе социальных отношений инкорпорируется, оседает на уровне телесных привычек (в осанке, мимике, выражениях лица и т. п.), вследствие чего

любое успешное противостояние угнетению должно включать соматэстетическую диагностику телесных привычек и чувств, в которых оно выражается, чтобы их можно было преодолеть вместе с порождающими их угнетающими социальными условиями. (Shusterman, 2012b, 32)

Наконец, еще одним ярким и заслуживающим упоминания примером практической эстетики является эстетика повседневности Ю. Сайто, ратующая за включение в состав эстетических рассматриваний не только «экстраординарных» переживаний, выбивающихся из потока обыденности, но и «ординарных» переживаний, сопровождающих повседневную жизнь: «если будничная природа повседневной жизни является унылой рутинной, это не делает ее внеэстетической». (Saito, 2017, 28) Задача практической эстетики – осмыслить и предложить конкретные эстетические стратегии проживания повседневности именно как повседневности. Сайто выступает против стратегии «преображения обыденного» и попыток во что бы то ни стало насытить будни яркостью и восторгом. У повседневности есть свой эстетический окрас, тесно связанный с ценностями повседневных действий, к нему нужно развивать чувствительность, в результате чего станут возможными, в том числе, определенные удовольствия от выполнения рутинных действий – например, «такие тихие и утонченные эстетические удовольствия, как ежедневная уборка». (Saito, 2017, 122) В практике уборки чувство

эстетического удовольствия возникает не от свободной игры воображения или созерцания потрясающего произведения искусства, а от реализации определенных ценностей – таких, как чистота, а также сама забота. Основными инструментами вхождения в эстетический опыт повседневности становятся внимательность и осознанность.

Раскрывая эстетику повседневности как не только индивидуальную, но и социальную практику, Сайто подчеркивает значимость коммуникативных актов и практик делиберации:

одна из задач эстетики повседневности состоит в том, чтобы практиковать искусство жизни и обсуждать повседневную жизнь, иногда приходя к тому, чтобы развивать ее экстраординарные эстетические возможности, иногда смакуя самую обыденность привычного, а иногда обостряя критическое восприятие эстетически негативных аспектов нашей жизни с тем, чтобы затем перейти к их улучшению. (Saito, 2017, 31)

Тем самым Сайто настаивает на тесной связи эстетических практик и общественной дискуссии, фактически высвечивая политическое измерение, внутренне присущее эстетическому.

На наш взгляд, уже такого беглого обзора вариантов практической эстетики достаточно, чтобы свидетельствовать о ее преобразующем потенциале и силе. Эта сила, однако, не похожа на сокрушающий удар или взмах волшебной палочки, вызывающий мгновенное превращение. Скорее, это сила воды, которая точит камень – мягкая сила, рассчитанная на созидание, заботу и возвращение. Это сила, которая знает: плоды поспеют в свой черед, и трести дерево раньше времени не имеет смысла – иначе можно сломать ветки.

На что может быть направлена такая сила? Ясно, что практическая эстетика в самом общем смысле направляется на саму жизнь, имея своей целью постепенное ее преобразование и улучшение – и этого уже достаточно для того, чтобы ратовать за развитие эстетики в условиях современной России. Однако здесь мы исходим из общих соображений: всегда есть что улучшать, всегда есть над чем работать – особенно когда страна занята написанием очередной трагической страницы своей истории. Но не можем ли мы направить практическую

эстетику на что-то более конкретное – так, чтобы одновременно лучше понять и специфику социальных, политических и культурных условий современной России? Если практическая эстетика – это вода, то что камень? На наш взгляд, таким камнем является то, что можно было бы – после осуществления ряда уточнений и оговорок – назвать менталитетом.

В условиях современного глобального мира – с его цифровыми технологиями и беспрецедентно интенсивным информационно-культурным обменом – специфика жизни в том или ином регионе, как представляется, оказывается связана в большей степени со скрытыми, «имманентными» содержаниями, нежели с «объективными» факторами (такими, как географическое положение, размер страны и т. д.). То, что сохраняется вопреки глобализации, – это, в наиболее общем смысле, культура той или иной общности или страны, а в более узком смысле – свойственный определенной социальной общности менталитет как совокупность конкретных способов заботы о жизни, понимания жизненных ценностей и их реализации, однажды сформировавшихся и закрепившихся на уровне ментальных и телесных привычек. Разумеется, ни в коем случае нельзя сводить особенности жизни в той или иной стране исключительно к менталитету ее жителей, однако ошибкой было бы и полностью игнорировать его. И если – вопреки свершившемуся историческому факту распада Советского союза и заявленному курсу на либерализацию и демократизацию, а также процессам глобализации и цифровизации, технологически связавшим со всем миром буквально каждого жителя страны – в России последних двадцати лет мы наблюдаем восстановление авторитарных тенденций в политике, возрастание ностальгических настроений по «великому» прошлому вместо конкретных действий, направленных на созидание достойного настоящего и лучшего будущего, не должны ли мы предположить, что здесь мы имеем дело не только с диалектикой и волнообразным историческим развитием, но и с эффектами такого трудноуловимого, но реального феномена, как менталитет?

Как уже было замечено, в отношении понятия менталитета необходимо сделать несколько оговорок и прояснить ряд

вопросов. Является ли данный термин удачным? Действительно ли российский менталитет необходимо трансформировать, и если да, то почему? Наконец, возможно ли это – тем более, средствами практической эстетики? Быть может, менталитет есть то, что складывается либо стихийно, либо в силу причин, не зависящих от сознательных усилий и воли людей? А, может быть, менталитет есть нечто неизменное, природно-инвариантное, так что всяческие усилия, направленные на его трансформацию, являются заведомо абсурдными и обреченными на провал?

Против последней версии понимания менталитета выступают практически все исследователи, из чего некоторые из них делают радикальный вывод о необходимости полного отказа от использования данного понятия – по крайней мере, в серьезных дискуссиях и научных исследованиях. (Danilov, 2021) В целом же, исследованию феномена российского менталитета посвящено достаточно много гуманитарных работ (Artemova, Filippova, 2008; Trofimov, 2001; Trofimov, 2017; Shimina, 2007; Pestrikova, 2007), в которых менталитет понимается преимущественно как «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности или группы». (Pushkarev, 1996, 6) В таком определении менталитета ничего не говорится про гипотетическую генетическую врожденность, неизбежность и т. п. подразумеваемых им содержаний. Более того, в отличие от таких спекулятивных понятий, как «народный дух», «душа народа», «загадочная русская душа» и т. п., понятие менталитета, скорее, отрицает существование каких-либо присущих ему инвариантных содержаний, указывая на то, что ментальные, чувственные и телесные привычки не существуют сами по себе изначально заданными, как платоновские эйдосы, но формируются, передаются и трансформируются в ходе социального взаимодействия. Это не противоречит тому, что, передаваясь из поколения в поколение, составляющие менталитет содержания сохраняют относительную неизменность – так происходит потому, что менталитет передается преимущественно бессознательно. Сознательная работа с менталитетом может многое изменить. Именно это мы и будем иметь в виду,

говоря о российском менталитете как менталитете, свойственном жителям современной России и ее выходцам, а также о необходимости его трансформации средствами практической эстетики.

С какими именно содержаниями российского менталитета, однако, необходимо производить работу? Быть может, все привычки, аккумулирующиеся в менталитете, являются всегда наилучшими и оптимальными, выстраиваясь в соответствии с объективными условиями жизни той или иной группы лиц? Прежде чем озвучивать собственные соображения на этот счет, осуществим краткий обзор уже имеющегося опыта осмысления российского менталитета, проделанного в отечественной гуманитарной мысли.

Одна из принципиальных черт российского менталитета, выделяемая многими исследователями, начиная с XIX века, – это склонность к крайностям. Так, В. Ключевский отмечает противоречие

между трудолюбием и ленью русских. Русские привыкли к чрезмерному кратковременному напряжению сил, работать напряженно и споро, а затем отдыхать долгую зиму. <...> Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, но нигде нет и такой непривычки к ровному, умеренному постоянному труду. (Artemova, Filippova, 2008, 4)

Вторит Ключевскому Н. Бердяев, утверждая, что «Россия менее всего страна средних состояний, средней культурности» (Berdyayev, 1989, 524), русскому народу свойственна «противоречивость, антиномичность, отсутствие середины между полюсами, крайностями» (Artemova, Filippova, 2008, 5). Схожие наблюдения озвучивает Н. Лосский, перечисляя такие черты русского народа, как «максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины» (Lossky, 1957, 151).

В наши дни попытку масштабного анализа российского менталитета и вытекающих из него жизненно-практических следствий, в том числе и негативных, осуществляет В. Трофимов. (Trofimov, 2001; Trofimov, 2017) Соглашаясь с классиками

отечественной философии в отношении противоречивости и склонности к крайностям в качестве характеристик российского менталитета, Трофимов также выделяет «безмерность жизненного порыва», примат чувственно-созерцательного над рациональным («созерцание сердцем»), примат «мы» над «я» и ощущение мессионизма. Отсюда вытекают такие частные следствия, как незнание меры, неспособность в созидательной деятельности двигаться поступательно, склонность разрушать все до основания, а затем создавать разрушенное заново, леность, мечтательность, безвольность, нетрудоспособность; «ослабленная способность аналитико-критического восприятия действительности, повышенная восприимчивость к вербальной суггестии», «терпение, доведенное до внутренней духовной потребности в страдании»; покорность властям и их произволу и одновременно «неуважение к закону, правам личности, собственности». (Trofimov, 2001, 30-41)

На наш взгляд, емкое обобщение перечисленных выше черт российского менталитета можно сформулировать так: российскому менталитету недостает ценности спокойной жизни и заботы о ней, а также конкретных способов и привычек реализации этой заботы. Российский менталитет склоняет нас, скорее, к скачкообразному движению «прорыв – застой – прорыв», предполагающему чрезмерное напряжение сил с последующим упадком и стагнацией, нежели к ровному, гармоничному и заботливому движению. Наши собственные наблюдения за новейшей российской историей последних десятилетий – от решительных реформ 90-х годов XX века до «стабильности» начала XXI века со всем тем, чем она в конце концов обернулась, – не противоречат, а вполне согласуются с озвученными выше интуициями.

Обратим внимание, что особенности менталитета должны так или иначе находить свое воплощение, в том числе, в эстетическом регистре – в эстетических предпочтениях, ценностях, склонностях, а также в искусстве. В случае с российским менталитетом особого внимания, на наш взгляд, заслуживает феномен русского авангарда, составляющего одну из самых главных страниц в истории русского искусства (если не его вершину). Музеи России регулярно организуют неизменно

пользующиеся популярностью выставки, посвященные авангардному искусству, многочисленные исследователи продолжают посвящать авангарду свои труды. Масштаб авангардного искусства связан, среди прочего, с тем, что оно ни в коем случае не было только лишь художественным явлением: авангардное искусство подразумевало проект фундаментального изменения жизни, трансформацию российского общества. Иными словами, авангард был феноменом, мотивированным жизнью – или, выражаясь в терминах, задействованных нами в данной статье, – заботой о жизни и ее трансформацией. Авангард был, в том числе, попыткой эстетической трансформации российского менталитета. Тем важнее осмыслить этот опыт – противоречивый, величественный и трагический одновременно, – чтобы увидеть, как в самой этой попытке, несмотря на ее устремление в будущее и порывание с прошлым, сказались характерные для российского менталитета черты, а также понять, чем предлагаемая нами эстетическая трансформация российского менталитета отличается от авангардистского проекта.

Исследованию авангарда не только как художественного феномена, но и социально-политического движения, нацеленного на преобразование жизни, в котором искусство мыслилось как неотделимое от политики и практики, посвящен целый ряд исследований и публикаций. (Chubarov, 2014; Osminkin, 2016; Рыков, 2019). Если абстрактные полотна В. Кандинского или супрематические опыты К. Малевича еще позволяют воспринимать себя как исключительно художественно-эстетические феномены, то «Летающий город» Г. Крутикова или Башня В. Татлина недвусмысленно нацелены на качественные и в то же время конкретные изменения в индивидуальной и общественной жизни.

По сути, авангард поставил перед собой две задачи: во-первых, показать иные, фантастические дали, в которые следует незамедлительно устремиться, и, во-вторых, принять деятельное участие в движении к ним и их достижении. И здесь мы можем обнаружить несколько принципиальных моментов. Во-первых, заряженность на практику обусловила тотальную открытость авангардного искусства к сплетению

с политикой. Это имело своим эффектом то, что произведения авангардного искусства зачастую становились не столько выражением определенных моделей созидания жизни, сколько выражением определенной идеологии. От духовно-эфирной ауры раннего авангарда, приводящей в задумчивость и запускающей автономную работу воображения и желаний, происходит стремительный переход в сторону изображений-императивов, как бы не оставляющих выбора и делающих вопрос об участии отдельного человека в созидании новой жизни по заданным образцам решенным.

Во-вторых, очень конкретно демонстрируется, как именно новая жизнь должна созидаться: она должна быть построена в ходе самоотверженного труда и радикального материального преобразования действительности. Жизнь здесь и сейчас – такая, какая она есть – не может считаться ценной, а ее преобразование не может быть достигнуто «простым» обращением взгляда, сменой ментальной установки и т. п.: должны быть построены заводы, проведены линии электропередач, прорыты туннели и т. п. В результате персонажами картин А. Дейнеки и А. Самохвалова становятся рабочие и метро-строевцы, спортсмены и прочие обладатели мускулистых тел, которые даже на природе, в отличие от неспешно прогуливающих под зонтиками персонажей французских импрессионистов, не могут не пуститься в бег, реализуя возможности своего тела и воплощая бьющий через край энтузиазм («Раздолье» Дейнеки). Таким образом, созидание жизни было понято и показано, во-первых, материалистично как жизне-строительство, производство, добывание и т. п., а, во-вторых, как непрерывная активность в экстраординарном героическом режиме, с постоянным и длительным перенапряжением.

Тем самым, однако, проект авангарда воплотил некоторые характерные черты российского менталитета – такие, как незнание меры, склонность к крайностям, идеалистический порыв и отсутствие знания того, как реально – в том числе, по каким эстетическим законам, сообразно с самой жизнью – этот порыв может быть воплощен. Неудивительно, что за сверхэнтузиазмом последовало опустошение и фактическая утрата вкуса к советскому проекту, что предопределило

его «доживание»: повседневная жизнь, как ни старайся, всегда будет отличаться от пылающих восторгом картинок. Прославляя ценность иной жизни, авангард отодвинул в тень ценность жизни как таковой; подменив жизнь «жизнестроительством», авангард упустил ценности возвращивания, заботливого участия и любви.

Новейшая история России последних тридцати лет также вполне вписывается в энергетическую схему «перенапряжение – опустошение». Как представляется, нам по-прежнему не хватает ценности жизни как таковой и умения заботиться о ней не революционно и самоотверженно, а с тихой заботой и естественной легкостью. От ценности авангардной, иной жизни нам необходимо перейти к ценности жизни как таковой, достоинству и полноте жизни здесь и сейчас. Именно в этом направлении следует инициировать поступательную трансформацию российского менталитета, и именно на выполнение этой задачи, на наш взгляд, может быть направлена практическая эстетика в современной России.

Стоит отметить, что мы ни в коем случае не призываем к кардинальной трансформации российского менталитета – это было бы очередным актом впадения в крайность. Необходимо культивировать те качества, которых нам недостает, чтобы сделать нашу жизнь более гармоничной и счастливой, а сам процесс такой культивации должен воплощать те ценности, на созидание которых он направлен. Пафос Кроутера, Шустермана, Сайто и ряда других современных мыслителей состоит в том, что, в конечном счете, эстетика – это не про знание истории искусств, «насмотренность» или «начитанность», не про количество посещенных выставок и прослушанных музыкальных произведений, а про стиль жизни, общий подход и настрой, в рамках которого человек проживает свою жизнь, включая самые повседневные и бытовые ситуации. Улыбнется ли один человек другому или нет, отнесется к другому с эмпатией или небрежностью, любит ли человек жизнь, или прячет за искусственной улыбкой сарказм и злобу – вот что здесь стоит на кону.

Урок авангарда должен быть усвоен. Ценности заботы о жизни, ее приятия и уважения к ней здесь и сейчас (а не в прекрасном будущем, которое еще только предстоит «построить»)

не нуждаются в специальной политической идеологии или программе. Если искусство авангарда, заряжавшее на строительство потрясающего будущего, оказалось беззащитно перед аннексией со стороны политического, свалившегося в идеологию, то практическая эстетика заботы о жизни как самодостаточная практика может оказывать демократизирующее и либерализирующее воздействие на общество независимо от той или иной властной конфигурации, проявляющей себя в тот или иной исторический момент. Не эстетическое должно находиться в экстатическом симбиозе с политическим, но, скорее, политическое может последовать за эстетическим. В этом нам хочется видеть выгодное отличие практической эстетики от проекта авангарда, и в этом хочется видеть наш шанс на будущее.

REFERENCES

- Artemova, V., Filippova, Ja. (2008). The Mentality of the Russian People: Tradition and Evolution. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, Series: Social Sciences*, 2 (10), 1-12. (In Russian)
- Baumgarten, A. G. (2021). *Aesthetics* (G. S. Belikov, A. V. Belousov, D. V. Bugai, M. I. Kasyanova, A. O. Korchagin, E. Y. Chepel, Yu. A. Shakhov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ. (In Russian).
- Berdyayev, N. (1989). *The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act*. Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
- Chubarov, I. (2014). *Collective Sensuality: Theories and Practices of the Left Avant-Garde*. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russian)
- Crowther, P. (2019). *The Aesthetics of Self-Becoming. How Art Forms Empower*. London: Taylor & Francis Ltd.
- Danilov, A. (2021). Why Mentality Does Not Exist, and the Term Only Seems to be Scientific. Retrieved from <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/dont-need-this-anymore/256529-mentality-is-cancelled>. (In Russian)
- Lossky, N. (1957). *The Character of Russian People*. Frankfurt a. M.: Posev Publ. (In Russian)
- Nanay, B. (2019). *Aesthetics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

- Osminkin, R. (2016). The Politics of the Early Soviet Avant-garde: from “Non-objectiveness” to “Life-building”. *Culture and Arts Herald*, 4 (48), 111-117. (In Russian)
- Pestrikova, I. (2007). The Concept of Mentality: Toward the Development of the Problem. *Omsk Scientific Bulletin*, 6 (62), 39-42. (In Russian)
- Prozersky, V. V. (2016). The Value of A. Baumgarten’s Aesthetics for the Theory of Corporal Sensivism. *International Research Journal*, 2 (44), part 4, 95-97. (In Russian)
- Pushkarev, L. (ed.) (1996). *Mentality and Culture of Russian Entrepreneurs in the 17th-19th Centuries: Collection of Articles*. Moscow: IRI Publ. (In Russian)
- Rykov, A. (2019). *The Politics of Avant-garde*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian)
- Saito, Yu. (2017). *Aesthetics of the Familiar: Everyday Life and World-Making*. Oxford: Oxford University Press.
- Shimina, M. (2007). Mentality as a Sociological Category. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, Series: Social Sciences*, 2 (7), 112-117. (In Russian)
- Shusterman, R. (2008). *Body Consciousness: A Philosophy of Mindfulness and Somaesthetics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shusterman, R. (2012a). *Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art* (M. Kukartseva, N. Sokolova, V. Volkova, Trans.). Rus. Ed. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitacia”. (In Russian)
- Shusterman, R. (2012b). *Thinking Through the Body. Essays in Somaesthetics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trofimov, V. (2001). *Origins and Essence of the Russian National Mentality (Sociophilosophical Aspect)*. Abstract for the degree of Doctor of Philosophy. Yekaterinburg. (In Russian)
- Trofimov, V. (2017). *Russian Mentality and its Role in the Fate of Russia*. Izhevsk: FGBOU VO Izhevskaya GSHA Publ. (In Russian)